

The book cover features a dark, atmospheric scene. In the foreground, several large, dark, jagged rocks are scattered across a cracked, dark ground. A bright, glowing blue stream of light or energy flows through the center of the scene, winding between the rocks. In the background, two large, dark, industrial structures with cranes and scaffolding stand on either side of the glowing stream. In the distance, two tall, dark, industrial buildings are visible against a dark sky. A small, glowing blue aircraft is flying in the sky. The title 'ТЕРРА ИНКОГНИТА' is written in a stylized, outlined font across the middle of the image. The author's name 'ДЕЙН КУУЛ' is written in a similar font at the bottom left.

ТЕРРА ИНКОГНИТА

ДЕЙН КУУЛ

Дейн Коул

Терра Инкогнита

<https://litres.ru/74364774>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Терра Инкогнита»

Город, где магия давно срослась с технологией, а корпорации решают больше, чем законы. Здесь сила измеряется в мане — и у одних её слишком много, а у других почти нет.

Дэмиан «Терра» Феррейн — из вторых. Слабый от рождения, он с детства прячет это за шутками, харизмой и репутацией техника-самоучки. Пока однажды не собирает устройство, способное забирать чужую силу себе.

Сначала это просто способ выжить. Потом — способ узнать то, что кто-то очень старается скрыть.

Чем ближе Дэмиан подбирается к правде, тем яснее понимает: у неё есть цена — и платить придётся не только ему.

Кибер-фэнтези о силе, которую нельзя получить бесплатно, и о том, что остаётся от человека, когда он заходит дальше, чем собирался.

Содержание

Глава	4
Глава 1. «Терра»	5
Глава 2. Дом и сад	14
[Интерлюдия] Внутренний документ «Стигия Ресурс»	22
Глава 4. Земля вместо крови	24
Глава	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Терра Инкогнита

Глава

ТЕРРА ИНКОГНИТА

Глава 1. «Терра»

Заброшенный супермаркет стоял на отшибе городка уже три года — с тех пор, как федеральная сеть ушла из региона вслед за падающим индексом маны, оставив после себя только выцветшую вывеску и парковку, потрескавшуюся ровными геометрическими линиями, будто кто-то когда-то давно расчертил здесь схему идеального мира, а потом бросил, не достроив. Ночью сюда никто не совался, кроме тех, кому было плевать на разбитые фонари и гудящий, полусдохший рекламный голопроектор над крышей, который через каждые сорок секунд пытался всучить пустоте скидку на товары, которых давно не существовало — блёклая проекция улыбающейся семьи мерцала, дробилась и гасла, чтобы через минуту начать заново.

Костёр в самом центре парковки был давней традицией — с тех пор, как здание опустело, а компания так и не нашла места лучше. Пламя дрожало низко, подпитываемое обломками поддонов и куском старой рекламной стойки; над ним, растворяясь в темноте, поднимался дым, смешиваясь с далёким свечением городских огней — холодным, синеватым отблеском корпоративных вывесок, которые никогда не гасли, сколько бы ни экономил на всём остальном городок. Пахло гарью, чуть подгоревшим пластиком и — откуда-то издалека

— сыростью: где-то за пустырём собирался дождь, который, впрочем, не торопился.

Дэмиан сидел на перевёрнутом ящике, чуть ближе к огню, чем остальные, — не потому что мёрз сильнее, а потому что так лучше было видно его лицо, когда он говорил. Черта, въевшаяся с детства: держаться там, где на тебя смотрят.

— ...и вот тогда я ему говорю: слушай, друг, это не баг, это фича, — он развёл руками, и отсвет костра плясал на его светлых, растрёпанных волосах, — просто твоя фича — за пять минут угробить контроллер на полигоне заказчика.

Джимми заржал первым, громче, чем того требовала шутка, — с набитым ртом, роняя крошки чего-то явно не предназначенного для открытого огня, зажатого в промасленной обёртке. Он был из тех людей, чей смех заражал сам по себе, вне зависимости от качества повода, — крупный, шумный, весь состоящий из резких, широких жестов, будто ему было тесно в собственном теле, если он не двигался.

— Три прохода тонкой калибровки, Джимми, — Кэсси не отрывала взгляда от небольшой платы, которую вертела в пальцах — что-то самодельное, с явно перепаянными контактами, скорее по инерции чинить всё, что попадает под руку, чем по необходимости, — а он свёл всё это к анекдоту про контроллер.

— Кэсси, — Дэмиан прижал руку к груди с деланой обидой, — я профессионал. Я не свожу к анекдоту. Я упаковываю сложность в удобный формат для простых смертных.

— Простых смертных вроде нас, — вставил Штраус со своего места чуть в стороне от общего круга света, как всегда — не исключенный из разговора, но и не в его центре. Он сидел, привалившись спиной к остову старой тележки для покупок, и в его голосе звучала та особая, ровная ирония, которая никогда не воспринималась как насмешка, — скорее как замечание человека, привыкшего слушать внимательнее, чем говорить самому.

Сьюзан сидела рядом с Дэмианом, плечом к плечу — без слов, просто так, как повелось за два года вместе, — обхватив колени руками и глядя на пламя с той спокойной, чуть отстранённой полуулыбкой, с которой обычно слушала его истории: не отключаясь, но и не позволяя себе полностью раствориться в представлении, которое он устраивал для остальных.

Артур сидел напротив, чуть сгорбившись, подкидывая обломок поддона в огонь, — задумчивый, тише обычного, взгляд то и дело соскальзывал куда-то в темноту за пределы света костра, будто он прислушивался к чему-то, чего там не было. Никто не придавал этому значения — Артур всегда становился таким ближе к вечеру, с самого детства, и компания давно перестала спрашивать почему.

— Слушайте, а вот вопрос на самом деле, — Джимми вытер руки о штаны, явно готовясь толкнуть очередную колкость, покачиваясь на пятках, — тебе не обидно вообще каждый раз побираться? Я имею в виду, «Терра», великий и

ужасный, а по факту раз в неделю ходит с протянутой рукой к Артуру, как... — он щёлкнул пальцами, подбирая сравнение, — как нищий у метро.

Кэсси фыркнула, не отрываясь от платы в руках. Штраус чуть напрягся — едва заметно, одними плечами, — но промолчал, продолжая наблюдать за огнём с тем же спокойствием, с каким наблюдал за всем остальным.

— Джимми, дорогой, — Дэмиан расплылся в улыбке, широкой и отработанной, — это называется не «побираться», а «делегировать». Ты вот умеешь наворачивать чужую еду в промышленных масштабах, а я умею делегировать ношение батареек другим. Разделение труда, слышал про такое?

— Батарейка — это грубо даже для меня, — вставил Артур с лёгкой усмешкой, впервые за вечер по-настоящему включаясь в разговор.

— Я про себя, балда, — Дэмиан толкнул его локтем в шутку.

Компания рассмеялась — легко, по-настоящему, без напряжения, — и на несколько минут разговор рассыпался на два параллельных: Джимми принялся в красках рассказывать какую-то историю с рынка запчастей, размахивая руками так, что чуть не смахнул с ящика чужую бутылку; Кэсси и Штраус тем временем сцепились в тихом, увлечённом споре о том, стоит ли доверять новой партии калибровочных чипов с последней поставки — Кэсси считала это разводом для доверчивых, Штраус приводил цифры, которые, судя по лицу

Кэсси, звучали убедительнее, чем ей хотелось признавать.

— Артур, — Дэмиан бросил взгляд на часы над рекламным голопроектором — цифры мигали через одну, но время читалось, — батареечка моя, одолжи немного силы на завтра? У меня с утра калибровка на объекте, там ручная подстройка нужна, а я после вчерашнего выжат почти в ноль.

Просить силы у кого-то из своих давно вошло у него в routine — иногда каплю одалживала Кэсси перед сдачей заказа, иногда выручал Штраус, если тот не был занят собственными подработками, — но чаще всего Дэмиан шёл именно к Артуру: тот никогда не спрашивал зачем и никогда не считал зазорным сам факт постоянной просьбы.

Артур пожал плечами, без единой секунды раздумий — то, что повторялось между ними уже десятки раз за эти годы.

— Без проблем. Валяй.

Он даже не подвинулся — просто кивнул, продолжая подкидывать в костёр обломок поддона. Дэмиан стянул с пояса перчатку — потрёпанную, местами прошитую заново, с тонкой сеткой контуров под кожей материала — натянул на правую руку и, не вставая с ящика, коротко направил раскрытую ладонь через пламя, в сторону Артура. Старый контакт с ним держался годами — с той самой свалки, о которой оба предпочитали не вспоминать вслух, — и перчатке не требовалось ничего, кроме команды.

Обычно перенос проходил тихо, почти незаметно — секунда-другая мягкого гула где-то в основании перчатки, ед-

ва слышного даже вблизи, и всё.

В этот раз что-то дёрнулось не так.

Гул на мгновение сбился, дал короткий, режущий дребезг — и Дэмиан ощутил знакомую, но всё равно неприятную рябь: чужое, не своё тепло, мимолётный образ чьего-то лица, слишком быстро смазавшийся, чтобы разобрать. Не в первый раз — но обычно такое цепляло только на больших объёмах, а не на паре одолженных на день процентов.

Он едва заметно поморщился, просто пережидая, пока перчатка сама не выровняет контур, — секундой позже гул стабилизировался, перенос завершился штатно.

— ...Ты чего? — Артур, глянув на него поверх костра, заметил гримасу.

— Ничего. Перчатка душит последнее время, — Дэмиан стянул её обратно на пояс чуть быстрее, чем следовало бы, и заставил лицо снова принять то самое лёгкое, отработанное выражение раньше, чем кто-либо успел присмотреться внимательнее.

Дэмиан смеялся вместе со всеми чуть позже, когда Джими вновь поймал общее внимание какой-то очередной байкой, — громче обычного, но что-то в груди на секунду сжалось и не сразу отпустило. Давно знакомое чувство, притупившееся за годы почти до полного забвения, но не исчезнувшее совсем.

Сьюзан заметила. Она всегда замечала — не сразу, не демонстративно, а просто оказывалась рядом ровно в тот мо-

мент, когда это было нужно.

Она подвинулась ближе, почти касаясь его плечом, и какое-то время просто молчала вместе с ним, глядя на огонь, — не пытаясь заполнить паузу словами, как делали остальные, а позволяя тишине между ними быть настолько же естественной, насколько для них обоих естественным было находиться рядом.

Компания постепенно затихала — Джимми уже клевал носом, привалившись к тележке, Кэсси и Штраус перешли на тихий, почти шёпотом спор, Артур молча смотрел в огонь, думая о чём-то своём. Дым поднимался ровнее, костёр оседал, и в наступившей полутьме голоса звучали глуше, будто весь мир вокруг сузился до этого маленького круга света на потрескавшемся асфальте.

Сьюзан взяла его за руку, переплетая пальцы медленно, будто у них было впереди сколько угодно времени. Кожа у неё была тёплой от близости к огню, и Дэмиан невольно повернул голову, чтобы посмотреть на неё — на то, как отблески пламени скользили по её лицу, высвечивая то, что днём терялось в обычном свете: едва заметную россыпь веснушек у переносицы, мягкую линию губ, чуть приподнятых в намёке на улыбку, адресованную не компании, а исключительно ему.

— Знаешь, — она заговорила тихо, так, чтобы услышал только он, — иногда я смотрю на тебя вот таким — в центре внимания, со всеми этими шутками, — и думаю, что почти

никто из них по-настоящему не видит тебя. Видят только вот это, — она качнула головой в сторону притихшей компании, — представление.

— А ты, значит, видишь настоящего? — он попытался вложить в голос ту лёгкость, что обычно давалась ему без труда, но получилось мягче, чем планировал.

— Я вижу человека, который каждый раз, когда шутит про свою слабость раньше, чем это сделает кто-то другой, — она провела большим пальцем по костяшкам его пальцев, — на самом деле просто не хочет, чтобы это било по-настоящему.

Дэмиан хотел отшутиться — старый рефлекс, вбитый глубже, чем он готов был признать, — но вместо этого просто молчал, глядя на неё, а она не отводила взгляда, будто ждала не остроумного ответа, а чего-то более честного.

— Даже если бы у тебя вообще не было ни капли силы, — сказала она наконец, тише прежнего, — ты всё равно был бы моим самым любимым человеком на свете. Не «несмотря на». Не «даже так». Просто — был бы. Без всяких условий.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на неё в упор. В отблесках костра её лицо казалось мягче, чем обычно, — без тени иронии, без подколки, просто честно, так, как она умела говорить редко, но метко, когда действительно того хотела.

— Это что, комплимент моей личности за счёт моей магии? — он всё-таки попытался отшутиться, но голос вышел тише, чем планировал, почти шёпотом.

— Это правда, — она пожала плечами, глядя не на него,

а в огонь, но не отпуская его руки. — Просто иногда правда звучит как комплимент.

Он ничего не ответил — притянул её чуть ближе, чувствуя, как она устраивается головой у него на плече, тепло её тела смешивалось с теплом костра, и на мгновение весь остальной мир — Джимми, задремавший у тележки, тихий спор Кэсси со Штраусом, задумчивое молчание Артура, даже сама угасающая под утро парковка — отступил куда-то на периферию, оставляя только эту тишину вдвоём, растянутую настолько, насколько это было возможно перед тем, как реальность неизбежно вернётся снова.

Глава 2. Дом и сад

Дэмиан проснулся не от будильника и не от света — а от тепла рядом, от медленного, ровного дыхания у самого плеча. Несколько секунд он просто лежал неподвижно, разглядывая трещину на потолке, давно ставшую частью интерьера, будто так было всегда, — и только потом повернул голову.

Сюзан спала, уткнувшись лицом в подушку, одна рука закинута поверх одеяла, волосы разметались по его собственной подушке, которую она, судя по всему, успела за ночь полностью себе присвоить. Со сна её лицо было совсем другим, чем вчера у костра, — без той полуулыбки, без иронии, просто спокойным, почти детским.

Он позволил себе ещё пару минут просто смотреть, прежде чем осторожно, стараясь не разбудить, выбраться из-под одеяла. Сюзан завозилась, что-то невнятно пробормотала, но не проснулась — только перевернулась на другой бок, забрав себе ещё немного пространства на кровати.

Утро вкатилось в дом вместе с запахом подгоревшего тоста и звуком радио, работающего на кухне слишком громко для такого раннего часа — старенький приёмник, доставшийся ещё от бабушки, ловил только одну станцию, зато ловил её исправно вот уже двадцать лет. Дэмиан спустился

вниз, всё ещё сонный, ступая через знакомые до последней половицы скрипучие места коридора.

— Ты живой там? — донёсся голос матери, когда он наконец выбрался на кухню, щурясь от утреннего света.

— Более-менее, — Дэмиан зевнул, опираясь плечом о дверной косяк.

Мать стояла у плиты в форменной куртке местной почты — синей, с потёртой эмблемой, до дыр знакомой ему с детства, — одновременно пытаясь спасти тост и не опоздать на смену. Несколько выбившихся из хвоста прядей падали ей на лицо, и она то и дело сдувала их в сторону, не отрываясь от плиты.

— Вы вчера снова поздно вернулись, — заметила она, не оборачиваясь, скорее констатируя факт, чем упрекая, — я слышала, как машина подъехала, это часа в три было, не меньше.

— Костёр затянулся, — Дэмиан пожал плечами, наливая себе кофе из почти опустевшего кофейника.

— Сюзан завтракать спустится, или ей позже собрать? — мать наконец обернулась, окинув его быстрым, всё понимающим взглядом.

— Она ещё спит. Пусть отсыпается, куда ей торопиться. Из соседней комнаты донёсся глухой удар — что-то явно упало и было тут же поднято обратно — и вслед за этим на кухне появился отец, застёгивающий на ходу рабочую куртку с той же неспешной основательностью, с которой он делал

всё в жизни.

— Терра, — он коротко кивнул сыну, устраиваясь за столом и придвигая к себе кружку с кофе, — как объект вчера, нормально прошёл?

В этом обращении, использованном без всякой иронии, звучала простая, бесхитростная гордость — та, что рабочие семьи испытывают к детям, сумевшим выучиться на что-то техническое, требующее не только рук, но и головы.

— Прошёл, — Дэмиан пожал плечами, — стандартная калибровка, ничего особенного. Заказчик доволен, деньги обещали в пятницу.

— Главное, чтобы платили вовремя, — заметила мать, наконец сдавшись в борьбе с тостером и просто вытряхнув из него два одинаково подгоревших куска хлеба на общую тарелку — щедрым, машинальным жестом человека, который давно смирился с тем, что идеального завтрака в этом доме не бывает, но никто и не жаловался.

Разговор покатился в бытовое русло — нужно ли что-то докупить в магазине, будет ли Дэмиан дома к ужину или опять пропадёт у Кэсси в мастерской, стоит ли чинить прохудившуюся трубу в ванной самим или снова звать соседа. Ничего значительного, ничего, что стоило бы запоминать, — просто утро обычной семьи, из тех, что повторяются сотнями раз, пока однажды не начинаешь по ним скучать сильнее, чем можно было представить заранее.

Отец, уже у двери, с сумкой на плече, обернулся на секун-

ду:

— Дед в саду, если что. С самого рассвета там возится.

Дверь хлопнула, машина завелась во дворе с тем же чуть надсадным звуком, что и всегда, и через минуту всё стихло — мать тоже засобиралась, чмокнула Дэмиана в макушку, будто ему было не двадцать шесть, а шестнадцать, и убежала, оставив на кухне запах своих духов, недопитый кофе и радио, продолжавшее что-то бормотать в пустоту.

Дэмиан постоял немного один среди этой внезапной тишины, потом взял свою кружку и вышел через заднюю дверь во двор.

Утренний воздух был прохладным, ещё хранившим ночную сырость, и пах свежескошенной травой вперемешку с землёй — тем особым, густым запахом, какой бывает только ранним утром, до того как солнце успеет всё высушить. Небольшой сад за домом — не сад в полном смысле слова, скорее заросший цветами и кустами клочок земли — тонул в утреннем тумане, ещё не до конца рассеявшемся между рядами клумб.

Дед стоял на коленях у клумбы вдоль забора, в своей вечной клетчатой рубашке с закатанными до локтя рукавами, и медленно, методично выдирал сорняки голыми руками — движение за движением, без спешки, с той особой сосредоточенностью пожилых людей, для которых работа в саду давно перестала быть обязанностью и стала чем-то вроде тихой, необъяснимой посторонним тяги. Земля под ногтями, раз-

воды грязи на коленях штанов — он никогда не пользовался перчатками, сколько Дэмиан его помнил.

Рядом, прислонённая к забору, стояла старая механическая газонокосилка — из тех, что толкают вручную, без единой магической или электронной детали, помнящая, кажется, ещё молодость самого деда.

— Доброе утро, — Дэмиан подошёл ближе, щурясь на солнце, только-только начинавшее пробиваться сквозь дымку. — Ты сегодня рано.

— В моём возрасте поздно не встают, — дед не оборачиваясь, кивнул на место рядом с собой. — Или встают поздно и уже навсегда.

Мрачноватая шутка, в его духе, произнесённая с той же интонацией, с какой можно было бы обсуждать погоду. Дэмиан фыркнул и присел рядом на корточки, поставив кружку прямо на траву, ещё влажную от росы.

— Дай угадаю, — он кивнул на газонокосилку, — Стиг опять барахлит?

Так они называли газонокосилку между собой ещё с тех пор, как Дэмиан был подростком, — по имени какого-то давно забытого производителя техники, чьё название дед так и не выучил правильно и предпочёл придумать своё.

— Стиг в полном порядке, — дед наконец разогнулся, отряхивая землю с ладоней о штаны, — я просто решил, старым способом руки размять. Полезно для суставов.

Дэмиан кивнул, не особо вдумываясь в ответ, — и потя-

нулся к деду тем самым жестом, отработанным ещё в глубоком детстве: раскрытая ладонь, особый, чуть замысловатый хват пальцами, придуманный ими двумя много лет назад как секретное рукопожатие, понятное только им двоим. Дед ответил тем же движением — коротко, тепло, с полуулыбкой.

— Слушай, а ты не поможешь мне разобраться вот с этим, — дед кивнул на маленький портативный экран, лежавший на земле рядом с клумбой, — внук соседей подарил какую-то штуку для сада, говорит, сама определяет, что где посадить, а я даже включить её толком не могу.

Дэмиан взял экран, повертел в руках, пару раз коснулся сенсора — интерфейс был до смешного простым для человека его поколения, интуитивно понятным с первого взгляда, но для деда, кажется, представлял собой такую же загадку, как древние иероглифы.

— Вот, смотри, — он показал деду, терпеливо, без раздражения, — жмёшь сюда, потом сюда, и оно само сканирует почву, показывает, что где лучше приживётся.

Дед покивал, явно не особо вникая в детали, но с искренней благодарностью в глазах — не столько за само объяснение, сколько за то, что внук нашёл время посидеть с ним, вместо того чтобы сразу убежать по своим делам.

— В моё время просто втыкали семя в землю и молились, чтобы взошло, — проворчал он беззлобно, забирая экран обратно и откладывая в сторону, явно не собираясь пользоваться им в ближайшее время.

— Прогресс, дед. С ним приходится мириться.

— Мирюсь помаленьку, — он усмехнулся, поднимаясь с колен с лёгким кряхтением, и вновь опустилсЯ чуть в стороне, у следующего ряда клумбы, продолжая методично выдирать сорняки руками — один за другим, хотя простое усилие воли и капля силы сделали бы то же самое за секунду, без всякого напряжения для колен и спины.

Дэмиан смотрел на это молча, отхлёбывая уже остывающий кофе. Где-то за забором залаяла соседская собака, потом стихла; туман над клумбами почти рассеялся, и утреннее солнце понемногу набирало силу, золотя верхушки кустов вдоль ограды. Дед продолжал работать — не торопясь, не жалуясь, просто делая то, что делал каждое утро уже, кажется, целую вечность, — а Дэмиан сидел рядом, допивая кофе, и думал о чём-то своём, не имеющем никакого отношения к саду, к дедовым рукам в земле, ко всему этому тихому, обыкновенному утру, которое через час забудется, растворившись в дне, как и сотни таких же утр до него.

Он поднялся, отряхнул колени, забрал пустую кружку.

— Мне пора собираться, объект ждёт. Увидимся вечером?

— Куда я денусь, — дед не поднял головы от клумбы, только махнул рукой на прощание, испачканной землёй.

Дэмиан ушёл в дом, а дед остался в саду один — среди своих роз и сорняков, в утреннем свете, который уже начинал припекать по-настоящему, — и продолжил свою работу

так же методично, как минуту назад, как час назад, как, наверное, будет продолжать ещё очень долго.

[Интерлюдия] Внутренний документ «Стигия Ресурс»

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Категория доступа: внутренняя, ограниченного распространения

Отдел: мониторинга производственных показателей

Объект: участок добычи «Штольня-3», региональное подразделение

Тема: Плановый отчёт по показателям добычи за отчётный период

По результатам планового мониторинга производственных показателей на участке «Штольня-3» сообщаем следующее.

Объём добычи кристаллического сырья за отчётный период соответствует установленным плановым показателям, отклонение находится в пределах допустимой погрешности ($\pm 3\%$).

Зафиксировано снижение фонового индекса мань в радиусе прилегающей территории: с 74 ЕИМ (единиц индекса мань) на начало периода наблюдения до 51 ЕИМ на момент составления настоящей записки. Комиссией по техническому надзору снижение показателя признано статистической погрешностью измерительного оборудования, вызван-

ной плановым обновлением калибровочных модулей регистрирующей аппаратуры.

Рекомендация комиссии: дополнительные меры по перекалибровке оборудования на данном этапе считать нецелесообразными ввиду отсутствия подтверждённой причинно-следственной связи между показателем и производственной деятельностью участка.

Отдельно рассмотрен вопрос об информировании населения прилегающих населённых пунктов о зафиксированном отклонении показателя. Информирование признано нецелесообразным ввиду риска необоснованной паники среди местного населения и связанного с этим риска оттока трудовых ресурсов с производственного участка в текущий отчётный период, совпадающий с сезоном плановой ротации персонала.

Вопрос подлежит повторному рассмотрению по итогам следующего отчётного периода.

Приложение: таблица показателей (не приводится)

Гриф: для служебного пользования

Глава 4. Земля вместо крови

Свалка начиналась там, где заканчивался забор рудника, — широкая, неровная полоса ржавого металла, битого пластика и всего того, что «Стигия Ресурс» годами свозила сюда, не утруждая себя вопросом, куда это девать дальше. Для взрослых это было просто мусором. Для двенадцатилетнего Дэмиана и его лучшего друга — целым миром, полным находок, которые никто, кроме них, не считал ценными.

— Смотри, что я нашёл, — Артур вынырнул из-за груды искорёженных контейнеров, размахивая куском чего-то тускло-фиолетового, отдалённо похожего на кристалл, только матовый и с трещиной поперёк. — Похоже на отработанный образец. С самого рудника, наверное, выбросили.

Дэмиан бросил свою добычу — моток проводов, который до этого казался ему венцом сегодняшней вылазки, — и подбежал ближе, вглядываясь в находку с почти священным трепетом.

— Это же кристалл-накопитель, — выдохнул он, забирая осколок из рук друга и вертя его на свету, — они такие в рудник закладывают, чтобы тянуть ману из земли. Я читал.

— Ты вечно что-то читаешь, — фыркнул Артур, но без всякой издёвки — скорее с той же беззлобной насмешкой, с которой относился к одержимости друга техникой с тех са-

мых пор, как они познакомились.

— А ты вечно ничего не читаешь, — парировал Дэмиан, не отрывая взгляда от осколка. — Слушай... а что, если сделать такую же штуку, только маленькую? Портативную?

Артур присел рядом на ржавый остов чего-то, отдалённо напоминавшего холодильник, и с готовностью приготовился слушать — он всегда слушал, даже когда не до конца понимал, о чём речь, просто потому что энтузиазм друга был заразителен сам по себе.

— В смысле?

— В смысле — рудник тянет ману прямо из земли через эти кристаллы, так? — Дэмиан говорил быстро, вздохнув, тем особым тоном, который появлялся у него всегда, когда мысль в голове опережала слова. — А что если собрать похожий контур, но маленький, ручной? Тянуть ману не из шахты, а прямо здесь. Из земли рядом с рудником, она же тут должна быть богаче обычной.

— А смысл? — искренне не понял Артур.

— Смысл в том, что я тогда смогу иметь ману, когда захочу, а не выпрашивать по капле, — Дэмиан впервые за разговор поднял глаза от осколка, и в них было что-то, чего Артур ещё не видел раньше — не азарт исследователя, а что-то более острое, личное. — Ты не понимаешь, каково это — быть единственным в компании, у кого своей силы вообще почти нет.

Артур не нашёлся, что ответить, — просто пожал плечами

и полез в свой рюкзак за остальными деталями, собранными за сегодня, молчаливо соглашаясь помочь, как соглашался всегда.

Собирали контур почти два часа, устроившись в тени одного из немногих сохранившихся контейнеров, — Дэмиан руководил, то и дело меняя схему на ходу, Артур послушно держал провода и подавал инструменты, которые они тоже нашли здесь же, среди мусора. Получившееся устройство было далеко от изящества — грубый, самодельный браслет, обмотанный проволокой вокруг найденного кристалла-осколка, с торчащими наружу контактами и явным перекосом на одну сторону.

— Ну и страшная штука, — честно оценил Артур, разглядывая результат их трудов.

— Красота — не главное, — отмахнулся Дэмиан, уже натягивая браслет на запястье. — Главное, чтобы работало.

— А если не сработает?

— Тогда я разберу его и соберу заново, что тут сложного.

Артур не стал спорить дальше — он давно научился, что спорить с Дэмианом, когда тот загорался идеей, было бесполезнее, чем спорить с самим рудником.

Первая попытка не дала ничего — ни гула, ни отклика, только тихое потрескивание где-то в контактах. Дэмиан, не сдаваясь, перепаял пару соединений, поменял местами провода, снова затянул браслет на запястье и, сосредоточившись, направил ладонь в сторону земли, туда, где, по его рас-

чѣтам, фон должен был быть богаче обычного из-за близости к руднику.

На этот раз что-то откликнулось.

Браслет вдруг ожил — низкий, нарастающий гул, куда мощнее, чем Дэмиан ожидал от самодельной конструкции, — и он почувствовал, как что-то потянулось к его руке, тёплое и стремительное, слишком стремительное для контролируемого потока.

— Работает! — заорал он в восторге, не замечая, как гул набирает обороты быстрее, чем должен бы, как браслет начинает вибрировать в его руке слишком сильно для простого потока энергии из земли.

Устройство, не имевшее никакого ограничителя объёма — ни один двенадцатилетний изобретатель попросту не подумал бы о том, что он вообще нужен, — искало не самый доступный источник, а самый сильный и близкий. И им оказалась не земля.

— Артур, погоди, что-то не так, — Дэмиан почувствовал, как гул резко изменил тон, как поток вдруг качнулся в сторону, будто устройство передумало на полпути.

— Что не так? — Артур сделал шаг ближе, встревоженный не на шутку, — и в этот момент браслет на руке Дэмиана взвыл уже в полную силу, а поток развернулся, устремившись прямо к другу, стоящему в паре метров.

Артур охнул, схватившись за грудь, будто из него разом выкачали воздух, — и осел на землю, ещё пытаясь что-то

сказать, но голос сорвался в невнятный хрип. Дэмиан рванулся к нему, забыв про браслет, но было поздно — устройство продолжало тянуть, неуправляемое, ненасытное, забирая куда больше, чем маленькое тело двенадцатилетнего мальчика могло отдать без последствий.

Последнее, что Дэмиан запомнил ясно, — вспышка чужого, чуждого тепла, ворвавшаяся в его собственное сознание волной, слишком большой, чтобы её осмыслить, — а потом темнота накрыла обоих одновременно.

* * *

Сознание вернулось не сразу и не целиком — сначала пришло ощущение, будто он смотрит на мир не своими глазами, а откуда-то со стороны, чуть сбоку и сверху, а голос Артура — его собственный голос, который он прекрасно знал, — звучал одновременно снаружи, будто друг стоял рядом, и изнутри, как собственная мысль, которой на самом деле не было.

«...если она узнает, что я так на неё смотрел на физре, я вообще умру, точно умру, лучше бы я сгорел ещё вчера...»

Мысль была явно чужой — торопливая, смущённая, совершенно не в духе того Дэмиана, каким он был в собственной голове, — и он не сразу понял, что это фрагмент чьего-то воспоминания, украденный вместе с потоком чужой маны, поднятый на поверхность то ли страхом, то ли болью самого Артура.

Кэтрин. Дэмиан почти рассмеялся бы, если бы мог сей-

час смеяться, — воспоминание оказалось до нелепого невинным: Артур, покрасневший до ушей, прячущий взгляд от девчонки с параллельного класса на школьном стадионе, явно не решаясь сказать ей ни слова.

Видение расплылось так же внезапно, как появилось, — и Дэмиан рывком вернулся в собственное тело, в собственные глаза, в резкую, оглушающую боль где-то в затылке.

Он открыл глаза. Артур лежал рядом на земле, бледный до синевы, дыхание едва заметное, — а сам Дэмиан чувствовал, будто в него залили что-то в разы больше, чем помещалось внутри, будто кожа была слишком тесной для того, что теперь билось под ней.

— Артур... — прохрипел он, пытаясь подняться и тут же снова падая на локоть, голова кружилась так, что свалка вокруг плыла перед глазами размытыми пятнами.

Он не успел позвать снова — сквозь гул в ушах пробился другой звук, быстрые шаги, кто-то бежал к ним со стороны рудника, тяжело дыша, будто бежал уже давно.

— Твою мать, твою же мать — Артур! Дэмиан!

Винсент — старший брат Артура, восемнадцатилетний, крепкий, в рабочей робе рудника, которую он, видимо, даже не успел снять, — рухнул на колени между ними, лихорадочно проверяя пульс сначала у брата, потом у Дэмиана, и на его лице был написан такой откровенный, неподдельный ужас, что даже в своём полубреду Дэмиан заметил странность: Винсент не спрашивал, что случилось. Он будто уже

знал, что искать нужно здесь, у этой самой груды контейнеров, — и знал это ещё до того, как добежал.

— Он дышит, — пробормотал Винсент, скорее себе, чем кому-то ещё, крепко прижимая ладонь к груди Артура, — дышит, слава богу, дышит...

Он повернулся к Дэмиану, и в этом взгляде смешались одновременно облегчение и что-то похожее на злость.

— Что вы натворили? Что это было? — он кивнул на всё ещё дымящийся, обугленный по краям браслет, валявшийся в паре шагов.

Дэмиан попытался что-то сказать, но горло не слушалось, а голова кружилась слишком сильно, чтобы выстроить связное объяснение, — и в итоге он просто закрыл глаза, позволяя темноте снова забрать его, на этот раз спокойнее, без видений, просто в тяжёлое, вымотанное забытьё.

* * *

Позже — намного позже, когда оба уже могли сидеть без посторонней помощи, отпаиваемые сладким чаем на крыльце дома Артура, — Винсент долго молчал, разглядывая обугленный браслет, который зачем-то забрал со свалки с собой.

— Если вы, два придурка, собираетесь и дальше играть в изобретателей, — сказал он наконец, тяжело вздохнув, — то хотя бы делайте это не на голом энтузиазме и мусоре с помойки. Поняли меня?

Дэмиан, всё ещё бледный, но уже способный улыбнуться, кивнул.

— Ты дашь нам нормальные детали?

— Я дам вам детали получше того хлама, что вы там находите, — Винсент покачал головой, глядя на брата с той особой смесью нежности и укора, которая бывает только у старших братьев, — потому что видит бог, вы всё равно не остановитесь, а я не хочу в следующий раз бежать на свалку и находить вас обоих остывшими.

Он не улыбался, произнося это, — и Дэмиан, несмотря на слабость, ещё гудевшую в каждой клетке тела, отчётливо запомнил этот тон на всю жизнь: не шутка, не пустая угроза, а первое взрослое обещание, которое Винсент сдержит куда добросовестнее, чем сам тогда предполагал.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.